

Константин Кешин

ПРИГЛАШЕНИЕ В МАСТЕРСКУЮ

Мастерская, в которую автор приглашает читателя-меломана, – концертный зал. А записи, представленные на страницах «Приглашения», своего рода «зарисовки с натуры». Несколько слов о том, как все это создавалось. Получив в юности немало музыкальных впечатлений, я в дальнейшем старался жить такого рода событиями. Поклонник филармонической классики и одновременно выпускник филологического факультета, журналист, я постепенно стал писать хроникальные заметки об услышанном. Стремился поделиться с читателями непосредственным восприятием того, что звучало со сцены концертного зала.

Но вот что выяснилось. Писать о музыкальном представлении «по памяти» и даже слушая запись, писать так, чтобы не потерялось живое звучание, чтобы сохранились непосредственность чувства, темперамент немедленного эмоционального отклика, никак не получалось. И как-то само собой вышло, что пришлось письменно-синхронно закреплять концертные впечатления, не покидая своего места в зале. Слово в режиме необычного, но такого напряженного диалога с исполнителем, дирижером, оркестром.

Филармонические отчеты сочинял позднее, держа перед глазами черновые записи «с места события». К сожалению, впоследствии не все записи пригодились полностью. Приходилось, следуя законам жанра газетной рецензии, писать «в номер», строго сохраняя определенное количество строк, к тому же не удавалось сбересть в целостности-сохранности и свободный слог, и вольное пространство материала. Так что блокнотные листки, рожденные под скрипичным ключом, поневоле стали достоянием авторского архива.

Теперь пришла пора познакомить читателя с избранными записями, что в архивных бумагах сохранялись многие годы. Надеюсь, что любитель музыки, как и вообще читатель русской прозы, вместе со мной обретет неостывающее чувство радостной встречи с прекрасной музыкой, с замечательными исполнителями.

Автор

1

ГАСО. Шостакович. «Праздничная увертюра». Дирижер Ерболат Ахмедьяров. Сравнить с Глинкой, Чайковским. Фанфары. «Рассвет над Москвой» Мусоргского. «Девушка в футболке» Самохвалова. Дейнека. Мухина. Бодрость. Страсть строительства.

Петр Чайковский. 1876 г. «Вариации на тему «рококо». Широкая, плавная, задушевная, грандиозная миниатюра. Рефрен – в оркестре. Еремек Курманаев. Моцарт – ему поклон. Протяжный звук. Стусок XVIII века. Узнаешь автора арии Ленского и дуэта Лизы и Полины. Ничего сладостного. Возвраты. Танцевальные пассажи. Медитативные куски. Приготовление к Гайдну именно в этом концерте. Маршак: «В подвалы слов не раз сойдет искусство, Держа в руке свой потайной фонарь». Вот что вспомнилось. Финал – браваурный, размашистый, приподнятый перекликается с Шостаковичем.

II отделение. **Гайдн** – любимец нации. Тонкая и благородная простота. Понятна, очаровательна. Около 50 концертов. Найденный в середине XX века Концерт для виолончели с оркестром до-мажор. В трех частях. Оркестр – для разогрева, как перед выступлением культового джазового солиста. Казалось бы, незатейливо, но как притягивает, не отпускает, меняет нечто в душе к лучшему, совершенному, прибавляет спокойствия и благородства. 2-е. Полная меланхолия. Но всегда – светла. 3-е. И все-таки – веселье. Каждый инструмент спешит заявить: «Я – самый веселый!» Самый неунывающий. Как замечательно проходит «примерка» финала, он «кроится и шьется» непосредственно в нашем присутствии, здесь и сейчас. Не оставляя этой роскошной спешки!.. И – последний – искуснейший каллиграфический росчерк, венчающий это виолончельное представление. «Расстаться с ним (концертом), как я с Онегиным моим».

«Прелюды» Листа – Ламартина. К более высокому, религиозно-созерцательному в поэзии. В чем смысл жизни? Борьба. «Есть упоение в бою». Романтик. Но земной, крупного волевого помола. Запевка филармонического года – эти мощные вещи. Симфоническое напутствие. Виртуоз, мятежник, дерзновенный мастер. Но это – потом, сначала – элегический, тихий, как сон, как утренний туман. Зато потом – на всю катушку: какая тишина?! Покой нам только снится. «А он, мятежный, просит бури...» Просит! Это совсем не в характере нашего буйно-пламенного Ференца. Он сам – буря, буран, метель, ураган, тайфун и прочие цунами. Вселенский запредельный вихрь, как в «Божественной комедии» Данте. Распевность мелодии прямо-таки парковая, точь-в-точь «В городском саду играет духовой оркестр». Заканчиваются «Прелюды» триумфальным маршем победителей. И кто же они, эти самые победители? Да мы с вами, конечно, если возьмем в верные спутники Листа. Здесь он не знает соперников, какой Ламартин? Это – Гюго, чистый Гюго, вторая «Марсельеза».

«Праздничная увертюра»

Еще один январский концерт в Казахской филармонии им. Жамбыла может быть отнесен к разряду новогодних представлений. На сцене – Государственный академический симфонический оркестр РК (художественный руководитель и главный дирижер оркестра Ваг Папаян), за пультом – Ерболат Ахмедьяров.

Открывался концерт «Праздничной увертюрой» Дмитрия Шостаковича. В огромном наследии композитора это произведение, созданное в годы «наступления социализма по всему фронту», никак нельзя назвать стопроцентно сурово-трагическим, от начала до конца проникнутым теми горько-трагедийными интонациями, что пронизывают иные симфонические полотна мастера. Совсем наоборот. Автор, нигде и никогда не отступавший от серьезного обдумывания

действительности, здесь следует за Глинкой («Славься»), Мусоргским («Рассвет над Москвой»), Чайковским («1812 год»). И вспоминаются, конечно, столь же одухотворенные, многогранно оптимистические картины современников композитора – Дейнеки («Небо зовет»), Самохвалова («Девушка в футболке»), Пластова («Сенокос»), более же всего – великая скульптура Мухиной («Рабочий и колхозница»). Дирижер и оркестранты сильно, точно, в полном соответствии с правдой жизни передали бодрость, страстность строителей нового мира, стремление к победам и чистую веру в то, что «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Но передали также и некое тревожное предчувствие, приближение эпохи горя и страданий.

Из века двадцатого следующий концертный номер перенес слушателей в девятнадцатое столетие: виолончелист Ермек Курманаев исполнил «Вариации на тему рококо» Чайковского. Получилась плавная и широкая, задушевная и с «замахом на симфонию» миниатюра. Разумеется, Петр Ильич – преданнейший поклонник и творческий наследник Моцарта – здесь благодарно поклонился и своему кумиру, и всему веку восемнадцатому, создав своего рода музыкальный («скрипично-басовый») ключ к композиторам того времени, прежде всего, к Гайдну, да и к прочим корифеям милого домашне-камерного музицирования. И танцевальные пассажи, и медитативные части «Вариаций», и постоянные возвраты рефренного образца позволяли нам радостно узнавать автора арии Ленского («Евгений Онегин») и дуэта Лизы и Полины («Пиковая дама»). А в финале, казалось, над нотной страницей склонился уже не Петр Ильич, а Дмитрий Дмитриевич со своей «Праздничной увертюрой»: настолько завершение «Вариаций» вышло бравурным, размашистым, неудержимо сокрушительным.

Постоянная ведущая филармонических вечеров Наталья Данилова любезно напомнила перед исполнением До-мажорного виолончельного концерта Гайдна (номер неизвестен, поскольку сам композитор, сочинивший таковых более полусотни, сбился со счета), как современники воспринимали творчество гениального предшественника Моцарта. Так вот: его самого именовали «любимцем нации», а музыку называли «тонкой, благородно простой, очаровательной и понятной». Е. Курманаев, деликатно «приготовивший» слушателей к Гайдну исполнением «Вариаций на тему рококо», вместе с другими музыкантами ГАСО вполне убедил нас в правоте меломанов позапрошлого века. Казалось бы, просто-напросто умелое соединение приятно-салонных (в хорошем смысле слова) мотивов: незатейливо, простодушно, но как притягивает, как не отпускает и неприметно меняет наш душевный состав, и эти перемены – к лучшему, к совершенному, они прибавляют нам благородства и спокойствия. Такова – часть первая.

Во второй Гайдн предался полной меланхолии, но то, что «печаль моя светла», – это несомненно. Перед тем как сочинить часть третью, Гайдн, очевидно, последовал совету Бомарше: «Как мысли черные к тебе придут, / Откупори шампанского бутылку / Иль перечти «Женитьбу Фигаро» (Пушкин «Моцарт и Сальери»). Скорее всего, и откупорил, и перечитал, поскольку далее последовало сплошное веселье, чудесное, поистине праздничное, когда каждый инструмент спешит «во весь голос» заявить: «Я – самый веселый, самый неунывающий». И одна только «примерка» финала, который «кроится и шьется» в нашем присутствии, способна привести сразу и надолго в полный восторг. Так что теперь мы

получили в свое распоряжение еще одно – помимо шампанского и «Женитьбы Фигаро» – надежнейшее средство борьбы с хандрой.

Для завершения полномасштабного концертного представления маэстро Ахмедьяров избрал «Прелюды» Листа. Композитор, как известно, вдохновлялся религиозно-созерцательной поэзией Ламартина. Брат-романтик, что поделаешь! Но все эти «Тебя скрывали туманы» (Блок), «О, не знай сих страшных снов...» (Жуковский) не для уроженца страны чардаша и революции 1848 года. Да, романтик, но совершенно земной, крупного волевого помола, человек прометеевского класса. Да, да, сначала элегический, тихий, как сон, как утренний туман. Зато потом и до конца – виртуоз, мятежник, дерзновенный мастер! Какая тишина, какой покой? «Покой нам только снится!» «А он, мятежный, просит бури...» Просит! Да это совсем не в характере нашего буйно-пламенного Ференца. Он сам – буря, буран, метель, ураган, тайфун и прочие цунами. Вселенский вихрь, как в «Божественной комедии» Данте. И успевает «под занавес» попутно околдовать нас распевно-привольной мелодией в стиле «В городском саду играет духовой оркестр» и салютно закончить «Прелюды» триумфальным маршем победителей. И кто же они, эти самые победители? Да мы с вами, конечно, если хватит ума и верного выбора взять в верные спутники Листа и его сотоварищей по классической музыке.

Дирижеру, солисту и оркестрантам вполне удалось подарить слушателям прекрасное симфоническое поздравление-напутствие для успешного прохождения еще одной годичной дистанции.

2

И. Х. Шмельцер. Соната № 6. Х. И. Ф. Бибер. Пассакалия для скрипки соло. А. Корелли. Соната № 3. В. А. Моцарт. Соната № 22. Л. Бетховен. Соната № 2. Ботагоз Тыныбекова. Шолпан Унгарова. Ф-но. Ботагоз Тыныбекова.

Шмельцер. Тонко, еле-еле. Сразу в XVIII веке. Скрипучий, разогревается. Что-то баховское. Как бы только для себя. Все энергичнее! Спокойная виртуозность! Робкие финалы внутри перегородки. Эти вариации. Но есть и отступления. Мини-монологи. Переводит дыхание. Скрипка тянет, и редкие удары. Виртуозные пассажи. Скрипка – особая задушевность. И мы замираем вместе с музыкой. Чудная соната.

Корелли. Его вариант. И мой. III часть. Простор для импровизации. Какая неторопливость. Музыка противостоит бегу, спешке. Тянет жилы. Погружение – медленное – в душу. Вторая часть повеселее. Хочется воскликнуть: «Вот настоящий Корелли!» Слово с нотным молитвенником! И вдруг Корелли открывает возможность импровизировать. Тягучий томительный звук. Целебный финал – как остановка! Когда быстрый темп – слава богу! Резко рассекает мелодию! Поток, неудержимо, золотая нить мелодии. На 300 лет раньше! Великий скрипач. После него «Чакона» Баха – Пассакалия!

Вытягивает звук из небытия. Трудный монолог! Очень трудный. Вереница барьеров. Музыка – «Не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». Экзамен по сопромату. Да, это слаще звуков Моцарта!!! Нет сладости. Звук – словно картошка из горячей золы. А финал!! Тает, тает! Нота гаснет, тонет.

Моцарт – мажорная гармония. По ступенькам. Какая походка! Решительная, без колебаний. Это вам не «Реквием». Никакой тревоги за союз фортепиано и

скрипки. Победный почерк. Череда аккордов, и на мгновение – пиано. Ну а потом: «Гром победы, раздавайся!» Эта часть – вся дионисийская! Но целомудренность. II часть – целомудреннее. Фортепиано – соло. Без скрипки: итоги и перспективы. Щедрость Моцарта. Танец... Игривый, грациозный! Бриллиант внутри сонаты!.. Призывно звучит скрипка. Романсовый кусочек из нашего времени. Не устаешь удивляться переменам, открытиям, новинкам. Оперные осколки. Фортепиано – грозно. Скрипка – смягчает. Финал – сильно! На подъеме...

Бетховен. Соната № 2. Усиленный Моцарт. Бетховен – экспериментатор. Повторы, повторы... Потом они переходят в восторг. «Разбрасывание». Фортепиано – играет свое, и скрипки. Если Моцарт – партерный акробат, то Бетховен – акробат силовой, к тому же – под куполом цирка. Эта виртуозность вообще на грани исполнительских, да и интерпретаторских возможностей. А эта мелодия очень хороша! И самому маэстро сильно нравилась. То-то он ее поворачивал так и сяк, любовался всеми оттенками и гранями.

Печальный арлекин. Как не вспомнить аксеновское «В поисках грустного беби». Восхитительная медленность. Разлив мелодии. Минуты, периоды задумчивости. Бетховен сочинил, а потом, не спеша, разбирается, что же именно сочинил композитор, у которого в запасе вечность.

БАРОККО И КЛАССИЦИЗМ – ВЕК XVII, ВЕК XVIII

Плодотворность, высокая результативность Президентской программы «Болашак» с каждым годом становится все очевиднее. Постепенно возникла и укрепилась традиция, достойная многих добрых слов: стипендиаты-болашаковцы время от времени отчитываются о пройденном пути и о покоренных вершинах.

Свое недавнее выступление в Камерном зале Казахской государственной филармонии им. Жамбыла скрипачка Ботагоз Тыныбекова, успешная участница государственной молодежной Программы, как раз и посвятила ее двадцатилетию. Юная исполнительница, воспитанница Республиканской музыкальной школы им. К. Байсеитовой, пять лет училась в столице Великобритании и с отличием закончила Королевский колледж музыки. Творческая судьба нашей талантливой соотечественницы складывается весьма неплохо: ее слушали в лондонском Альберт-холле, берлинском Концертхаусе, цюрихском Тонхалле, женевском Виктория-холле; выступала Ботагоз и в Мальтийском оперном театре, и в Пекинской опере.

Без спешки, вдумчиво и проникновенно

Программу нынешней встречи Б. Тыныбековой с меломанами составили шедевры эпохи барокко и классицизма. Исполнялась музыка Шмельцера, Корелли, Бибера, Моцарта и Бетховена.

Для того чтобы познакомить алматинских слушателей с не столь хорошо известным Иоганном Генрихом Шмельцером (1623–1680), Ботагоз выбрала Шестую, ля-мажорную, сонату композитора. Сонатное начало происходит в совершенном рiано: почти невесомый звук, как робкая весенняя травинка, которая еле-еле пробивается к свету. Сразу понимаешь: не в наши беспокойно-шумные времена сочинялись такие негромкие, такие элегические опусы. Все же неслу-

чайный человек в музыке предчувствует ее грядущее. И эта соната Шмельцера, то энергично-виртуозная, то задумчиво-задушевная, ненавязчиво «прострочена» зернышками и крупинками еще не существующей баховской мощи.

И гипнотически-виртуозные пассажи, и резкие мелодические всплески-взрывы, наконец, пленительно-соразмерный сонатный финал – все прозвучавшее заставляет с благодарностью отнести к Б. Тыныбековой как прекрасному проводнику в неповторимый мир музыки барокко. Чудесная соната, чудесное исполнение!

Рубеж семнадцатого и восемнадцатого столетий Арканджело Корелли (1653–1713) отметил сочинением Третьей (до-мажорной) сонаты. Композитор, в соответствии с практикой итальянской комедии масок, набрасывал как бы синопсис (краткое содержание) произведения. А потом: «Вот вам, ребята, мое стило, а дальше действуйте сами». Так сказать, приглашение к импровизации по эскизному чертежу маэстро. Какой простор для вдохновения! Ботагоз Тыныбекова через три столетия первоклассно воспользовалась любезностью досточтимого синьора Корелли.

Артистка предложила нашему вниманию две версии. Первая – в стиле самого Корелли (попробуйте отличить!), а вот вторая – композиторские импровизации Б. Тыныбековой. Здесь главное – свободно-уважительное отношение к классику. И впечатление таково, что в памяти оба варианта великолепно соединились и так и остались. Потрясающая неторопливость – нам на зависть. Эта изумительно несуетная музыка с легкой грустинкой, туманной дымкой образца «печаль моя светла», противопоставит безумному «бегу времени», в конце концов обращая его в спокойно-плавное течение.

Последняя сыгранная часть сонаты – счастливо-оптимистическая: можно сказать, истинный Корелли, неунывающий, бодрый, солнечно-рассветный. Завершение временами томительно-тягучее, а иной раз внезапно происходит вторжение пронзительно-стремительных мгновений. Пока не иссякает бестревожное течение мелодии. Это и есть «открытый финал»...

И слушатели, так сказать, «силою вещей», в последовательности именно этого камерного музицирования погружаются в соль-минорную Пассакалию Генриха Игнаца Франца фон Бибера (1644–1704). Данного немецкого музыканта, несравненного виртуоза, сравнивали с великим Никколо Паганини. Что и говорить, означенная Пассакалия – сложнейший монолог: полноразмерный, сильный звук как бы вынимается, с невероятным усилием вытягивается из небытия. По Биберу можно судить, что в те времена сентиментальность, романтическая слеза ценились далеко не всегда. Потому-то звук Пассакалии, что называется, «с пылу с жару», он обжигает, словно картошка из костровой золы. Все это прекрасно передано Б. Тыныбековой, чье исполнение – преодоление бесконечной вереницы барьеров – музыкальных, конечно. О таком исключительном напряжении, о включении в работу всех душевных сил сказано поэтически-образно: «Не читки требует с актера...» Игра Б. Тыныбековой соответствует высокому пределу серьезности.

Мажорный Моцарт, мажорный Бетховен

Второе концертное отделение совсем убедило собравшихся в оптимистических предпочтениях скрипачки: она исполнила сонаты Моцарта и Бетховена, причем обе они в ля мажоре. Большой гармонии, чем моцартовская, и представить

невозможно. Волшебная, завораживающая композиторская походка, победно-безмятежный музыкальный почерк. Черета впечатляющих аккордов, и каждый заставляет испытывать полный восторг. И между ними, на мимолетное мгновение, легчайшее прикосновение к мелодии: такая элегантная, необыкновенного изящества «отбивка».

Ну а потом – торжество веселого моцартианства, настроение законченно дионисийское: «Раздайтесь, вакхальны напевы!» Это – праздник с улыбкой на устах: сердечная открытость юности. А в следующей части бесстрашия, душевной храбрости еще больше. Наслаждаясь подобной музыкой, вспоминаешь старинное наставление, «чтобы вместе и услаждение, и назидательность была».

Далее скрипка на некоторое время замолкает, звучит замечательное фортепианное соло (тонкое, строго выверенное участие в концерте пианистки Шолпан Унгаровой заслуживает высшей оценки). Ш. Унгарова исполнила внутри моцартовской сонаты нечто игривое, грациозное, полное шаловливой, обаятельной резвости. По завершении – призывное звучание скрипки, и мы с удивлением вслушиваемся в романсовый фрагмент, он словно сочинен современным композитором.

Не устаешь дивиться мелодическим новинкам, открытиям, переменам, «осколкам» моцартовской оперной музыки. Неисчерпаемая сокровищница... На исходе сонаты – грозное фортепиано и примиряющая скрипка, сочетающиеся в сильном, вершинном (на крутом, беспредельном подъеме) финале.

После Моцарта – всевластный Бетховен, как бы усиленный, утяжеленный и не менее прекрасный, чем его великий предшественник. Этот сонатный бетховенский шедевр, в котором налицо поисковый характер композитора-новатора, отличается несколько раз повторенным пассажем. Он возникает снова и снова, и каждый раз понимаешь: многократно прозвучавший фрагмент хорош и сам по себе, но он еще и краеугольный камень, камертон.

А фортепиано и скрипка в исключительно напряженном споре, ярко обозначенном противостоянии. Исполнители продемонстрировали виртуозность, как и предназначал композитор, почти что на грани достижимого. Все бетховенское сохранено и согрето непосредственным чувством. Покорила эмоционально насыщенная интерпретация Б. Тыныбековой и Ш. Унгаровой, ясное мастерство в передаче текста сонаты. Мы с глубоким волнением восприняли и «Сей песни жалостный напев» (Пушкин), и поистине «фирменный» бетховенский волевой посыл, и высокое неразрывное примирение меланхолически-тревожной нежности и пламенных апокалипсических протуберанцев.

Концерт привел в восторг темпераментной свежестью чувств, непринужденной музыкальностью, одухотворенным взаимодействием скрипачки и пианистки. Этот подарок меломанам явился хорошим и подающим желанные надежды продолжением традиций Камерного филармонического зала.

3

КОНЦЕРТ ОРКЕСТРА «МОЛОДЫЕ СОЛИСТЫ ЕВРАЗИИ»

Чайковский «Вальс-скерцо». Томительное распевное скрипичное начало. Игривое, нежно-мягкое. Изящество. Все его степени, все градации изящного, элегантно-искусного. Погружение – нескончаемое, кажется, вот – более изящного, извилистого, обогащенного оттенками, нюансами – невозможно сочинить.

Напрасно так думаем. Чайковский – бесконечен, как атомное ядро. И расщепить до конца – невозможно. Все более и более гармоничен. Сам Чайковский любит, наслаждается. Это особенно привлекательные моменты, когда ты вместе с композитором наслаждаешься. Спускаешься и поднимаешься по праздничной лестнице аккордов. По раритетной лестнице аккордов. Лирико-скрипичные отступления. Сюита – как бы эскизный набросок тьмы и тьмы мелодий, большого произведения. Рассказ перед романом. Потом Чайковский создаст музыкальный эпос, равновеликий «Войне и миру».

«**Воспоминание о Флоренции**». Это – благодарность месту. Как Ясная Поляна. Будто бы мало живописных прославлений Флоренции, так теперь получите еще и музыкальное. Секстет. Сразу бравурно, пламенно, всепогрушающе! Чайковский подчеркивает, что во Флоренции, как Антей, подпитывался Матерью-Землей – Геей. Притекают люди. Музыкальные зарисовки прохожих. Что-то очень дорогое для автора. Мятежность. Город, в котором сочинялась «Пиковая дама». По контрасту. Город русской культуры. А оркестр Шернияза – доказательство всемирности русской культуры. Здесь обретают гармонию в сражении с 1000-летней культурой. Воля! Всегда в избытке! И предвестие будущего! И как много нового открыли в Чайковском молодые ребята – юные музыканты. Это – особая ностальгия! Как волны реки...

Мастер нежных мелодий; великий лирик – это Петрарка, это Аполлон Майков. Ломоносов говорил об итальянском языке. Его слова можно поставить эпиграфом к «итальянскому элементу» в сочинениях Чайковского. Аргументы? Пожалуйста. «Мой миленький дружок, любезный пастушок». Откуда это? Дуэт Лизы и Полины из «Пиковой дамы». «Одной любви музыка уступает, но и любовь мелодия». Пушкин. У Чайковского не уступает, поскольку – сама любовь.

Ровный сердечный ритм. Напор! Проламывает! Вихрь! Нам не страшен грозный звук! С Чайковским – в любые штормы. «Мы ли в штормы-шквалы не ходили!» Как пелось в прекрасном советском опереточном номере! Финал – ну и Петр Ильич, ну и рискованный субъект! Феноменальный экстремал на всю голову. Это же не финал, а мотогонки по вертикальной стене или безостановочно по ребристым железным перекладам моста.

Часть II. Мотивы мессы, все-таки Флоренция – католический город. Мы как бы слышим деликатно произносимые латинские песнопения. Нежнейшее, упоительное, умиротворяющее. Такое можно сочинить лишь божественно влюбленным в красоту. Сколько вариантов распевности! Нечто гимническое – пифагорейцы какие-то обращаются к солнцу. Вверх – вниз; туда, брат, туда – «Песня Миньоны» – Гёте. Волшебный край, где золотые лимоны. Да наш Петр Ильич – ко всему прочему неисправимый романтик.

И вмешивается шершавое, занозистое отступление. Потрясенная гармония. И вновь – все чудесно в мире. Чайковский – это всегда возвращение к гармонии, к спокойствию расчисленных светил, к порядку в мироздании, в самой трагедии нет окончательности. Гамлета-интеллектуала сменяет Гораций (имя-то античного поэта-мудреца), Гамлета-правителя – Фортинбрас. Фея из «Спящей красавицы», смягчившая безнадежный приговор злой волшебницы, конечно, появилась бы и после Шестой симфонии, но вмешался рок. В Чайковском есть многое, что мы можем взять для оптимистического послесловия. Сам композитор не успел.

Размышляющий оркестр. Шерниязу всегда была присуща зрелость. Никакой смазанности – определенность! Мелодия, летящая над миром. Оркестр ангелов.

III часть. Суховато, тревожно. Забыта Флоренция. Русский мир. «А мы просо сеяли, сеяли!» Родина, ее песни – в сердце и на листе нотной бумаги. Деревенские хороводы мысли не мешают. Как в античности – боги пляшут. Как весома классика, как прочна, как вдохновляет, призывает к новым свершениям. Урок и шедевр – прочь от ученичества. Играют юные – как они прочувствовали, стали равны мастерам, много лет общавшимся с инструментами.

Мощный Шернияз. Явил, явил себя как зрелый мастер, наш Шернияз.

Ступенчато. Мимолетно, на пуантах, «на цыпочках».

IV часть. Опять – пляска, и быстрая. Элегическое настроение – длится недолго. Узоры, камерное музицирование. Мощная изобретательность композитора. Как-то разбрелись инструменты, Чайковский отпустил на свободу: «Погуляйте, ребята! Передохните!» А потом собрались, обретя новую силу, цельность, сверхзадачу. Из Флоренции вернулся другим. Финалы у Чайковского почти всегда мощнейшие, ошеломляющие, неуправляемые.

«Размышление». Самый медитирующий композитор. «Меж ними все рождало споры». И – «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой...» Оркестровое вступление. И потом – романс, великим мастером которого был Петр Ильич. Но как облагорожен этот простенький романс; к нему приложил руку великий симфонист. И один романс можно слушать бесконечно, как можно часами стоять перед Рембрантовым или Рафаэлевым полотном. Да, это – «Размышление»! Сгусток, квинтэссенция. Укрепляет на пути к размышлению, поддерживает интеллектуальные усилия. Не так страшно погружаться в самые глубины бытия. Не каждый решится – в одиночку, а с Чайковским – отваги прибавляется. Не так страшно. Философский значок.

Без него Чайковский не был бы Чайковским. Бесконечные уроки размышления. Посыл звука в небеса. Обращается к ангелам. Конечно, но и к тому ангельскому, что господней свечой теплится в каждом из нас. Легчайшая скрипка Шернияза. Соло – резкое, определенное, и опять элегантно-аристократический проигрыш. Пробег по струнам. Классические струны. Финал – полет под откос. Как удержаться. Как у Чехова в каком-то рассказе со снегом: на санках с горы – с замиранием сердца.

Думающие дебютанты. Очищение от вульгарности. Деликатность, осторожность в обращении с мелодией. Какой воспитанный музыкант, хороших правил. И вот она, мелодия, затихает. Истаяла, как сон, как утренний туман... Но нет ей завершения в нашей душе, в нашей памяти; теперь она с нами навсегда.

Серенада для струнного оркестра. Первая часть. Тяжело, трудно, как иногда – из хаоса. Слушатель должен почувствовать, как это нелегко – создавать музыку. Рождение. Обучение созиданию, своего рода мастер-класс для творцов, неважно, какой они профессии и какого возраста. Извилистая, прихотливая музыка. И вехи, отметки, путевые знаки на дороге размышлений. В оркестре всем инструментам нашлось место. А выбор сделан в пользу нелегкой музыки.

Вторая часть. Вальс, всем знакомый. Наташа Ростова и европейские прекрасные дамы готовы танцевать неустанно – такая это музыка. Вальс вальсов. Это – Чайковский. Еще один аргумент в пользу гениальности. Предъявить, как «Дон Кихота» в доказательство, что музыка – великая часть человеческой души. Тяга к единственности, естественной недосыгаемости. Сама элегантность. За одну эту

мелодию – на божничку. И закончили легчайшим, словно пушинка, прикосновением к струнам.

Третья часть. Нечто вроде баркаролы. Коллекция шедевров. Опять знакомая и опять необыкновенно прелестная мелодия. Народу, «русскому душой», у которого есть Пушкин и Чайковский, не страшно ничего. «Он перетопит, – по словам Заболоцкого, – самый тяжкий камень». Оркестр проникновенно чувствует Чайковского, представителя великой русской всемирности, и если в начале концерта заметно преобладало стремление к абсолютной точности, выверенности по компасу и хронометру, то в завершающем номере прибавилась отвага свержения, смелость победного события, проще говоря – раскованное, волшебное свободное вдохновение.

Сама материя музыки, ее вещество. Оперно-симфонический бог. Чайковский – во весь рост. Это оркестрантам, ведомым Шерниязом.

«Там, в дальней вышине...» Земное и заоблачное соединено в чудесной неразрывности. Наш соотечественник – Шернияз. Публика собралась подготовленная, но сдержаться не может. Еле-еле дожидается завершения той или иной части сюиты, чтобы тотчас аплодировать. Нетерпеливо рукоплещет.

Четвертая часть. Опять – пляска. Разудалая, из распрорусских русская, как говорил Пушкин про Фонвизина. Недаром Чайковский писал: «До страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, я – русский в полнейшем смысле этого слова. Страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума... Я с детства самого раннего периода проникся неизъяснимой красотой русской народной музыки...»

Камаринская... И здесь же классика. И мелодия, и ритмы, и соразмерность. Обманные финалы. Напрягаешься, становишься активнее. Мы слушали классику в классическом исполнении. Трудно, да! Никакой облегченности. Великое согласие. Восхождение к финалу. Лепка – симфонической крепости и закала. Мощно, очень мощно! Разработка финала изумительна. Отдельная школа, особенный университет композиторского мастерства.

ОРКЕСТР НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Близок к завершению очередной концертный сезон в Казахской государственной филармонии им. Жамбыла. «Под занавес» алматинские меломаны получили прекрасный подарок: состоялась презентация камерного оркестра «Молодые солисты Евразии» (Young Eurasian Soloists – YES). Позвольте представить многонациональный коллектив юных музыкантов, чье совместное выступление в южной столице Казахстана – дебютное. Художественным руководителем и первой скрипкой «Молодых солистов» оркестранты назначили Шернияза Мусахана. Ш. Мусахан – лауреат Независимой премии «Тарлан», лауреат конкурсов им. Генриха Венявского и Давида Ойстраха. Коллеги Шернияза – столь же успешно участвовали во многих международных музыкальных состязаниях, также учились у выдающихся скрипачей и дирижеров современности и неоднократно выступали на престижных концертных площадках.

Презентационный концерт проходил под знаком знаменательных юбилейных событий: 70-летия Великой Победы и 175-летия Петра Ильича Чайковского. Программу составили произведения гениального русского композитора.

Пролог

Первая вещь дебютного вечера – «Вальс-скерцо, соч. 34». Классическое, именно распевно-скрипичное вальсовое начало, как бы нежно, дымчато-акварельно врывающееся в наше чутко воспринимающее сознание. В мелодическом составе – все градации изящного, все степени истинно аристократического, можно сказать, хорошо «воспитанного» звука. На протяжении почти всего «Вальса-скерцо» происходит нескончаемое погружение в генеральную мелодию. Временами, когда «в зале концертной» слушатель – весь внимание, кажется, что большей насыщенности оттенками и нюансами и сочинить невозможно. Напрасная уверенность – Чайковский бесконечен, как атомное ядро. Происходит только постепенное, по мере нашего эстетического разума, проникновение в гармонические пласты.

И чувствуешь, как самому композитору нравилось созидать эту нравственно-эстетически уравновешенную конструкцию. И это особенно привлекательные моменты, когда ты наслаждаешься шедевром как бы вместе с композитором. Спускаешься и вновь поднимаешься по торжественно-праздничной лестнице аккордов. А лирические отступления, словно лестничные площадки для отдохновения, чтобы остановиться, задуматься, принять в сердце великую музыку. Означенный вальс поневоле воспринимаешь в качестве эскизного наброска, как горсть плодоносных мелодических зерен. Они обещают большое произведение, ведь, по словам Льва Толстого, лермонтовское «Бородино» – зерно «Войны и мир». Так что «Вальс-скерцо», с детства знакомый, с юности любимый, – предвестие огромного музыкального эпоса.

О чем размышляем

Камерный вечер продолжился «Размышлением, соч. 42». Этим простым общедоступным словом Петр Ильич точно обозначил верховную медитативную черту своего колоссального художественного дарования. Действительно, каждый такт, каждая фраза огромного музыкального (и литературного!) наследия Чайковского – это каждый раз в той или иной степени философское событие. Это – бесконечные уроки раздумий, бесстрашного диалога с жизнью. «Размышление» покоряет бестревожным посылом необыкновенно красивого звука, отправленного в небеса. Смиранный автор обращается к ангелам. Но также и к тому ангельскому началу, что неугасающей Господней свечой теплится в каждом Божьем создании. Это исповедальное послание прекрасно воспроизведено легчайшей, почти что невесомой скрипкой Шернияза Мусахана. Лишь на мгновение суровое предвестие-прозрение трагичнейшей Шестой симфонии возникает под пальцами музыканта. Резкое, угловатое, колючее соло; оно – минутно, а после вновь мы во власти элегантно-аристократического пробега по струнам. А вот с финалом вышло еще интересней. Он – как бы музыкальный аналог чеховского рассказа, в котором с горки под откос летят санки, нежно покалывает щеки снежная пыль, и призрачно шелестит любовная фраза. И – замирание сердца...

Оно также закреплено в «Размышлении». Мелодия слабеет, затихает... Истаяла, как сон, как утренний туман... Но нет ей завершения в нашей душе, в нашей памяти; теперь она всегда с нами. И укрепляет, поддерживает наши

интеллектуально-духовные боренья. Отныне нам не столь страшно погружаться в самые заповедные глубины бытия. В одиночку решиться не так-то просто, а вместе с Петром Ильичом душевной отваги прибавляется.

Что вспоминаем

Скрипичный секстет «Воспоминание о Флоренции, соч. 70» – это прославление мастером пространства великого вдохновения. Именно на берегах реки Арно с поразительной скоростью написана опера «Пиковая дама». Первые такты совершенной партитуры – все сразу бравурно, пламенно, всесокрушающе. Чайковский напоминает, что Флоренция дышит волей и вдохновением. Какие здесь бушевали духовные бури, какие судьбы состоялись! Ровный ритм сердца мастера нежных мелодий окутывает и очаровывает нас. Сладостный «итальянский элемент» заставляет вспомнить слова Ломоносова, что итальянский – это язык сердечных признаний, речь безоблачного неба, сияющего солнца. И слышны в секстете отзвуки умиротворяющего дуэта Лизы и Полины – «Мой миленький дружок, любезный пастушок». Какие пленительные слова! О музыке и говорить нечего: Чайковский – он и в двадцать первом столетии Чайковский. «Одной любви музыка уступает», – писал Пушкин. Потом все-таки признался: «Но и любовь – мелодия!» Вот именно.

А вот что касается пленительности, нежности в стиле Петрарки, Боттичелли и прочей смиренной безоблачности, получите, как гром среди ясного неба, взрывной мелодический напор, вихрь ураганного класса, снарядно-пулевое торнадо, одним словом, «мы ли в штормы-шквалы не ходили!». Мы не успели опомниться, как влетели (скорее, взлетели) в финал первой части. Ну и Петр Ильич, ну и рискованный человек! Феноменальный экстремал на всю голову! Да разве это финал? Это – на пределе переживания цирковой номер: мотогонки по вертикальной стене под барабанную дробь, безостановочный проезд по железному ребристому мосту! Как тут не прийти в исключительный восторг от бесстрашного мастера!

Хорошо, хоть во второй части на композитора снизошло мирное настроение, и он отдал дань конкретно-неповторимой флорентийской ауре. Здесь, где как бы слышатся тихие латинские молитвенные песнопения, мы встречаемся с Чайковским – неисправимым романтиком. Чему не может помешать шершавое, занозистое отступление. Соразмерность, конечно, потревожена, однако ненадолго. Ведь Чайковский – это всегда возвращение к гармонии, к движению расчисленных светил, к божественному порядку в мироздании. Обратите внимание, что в «трагедии трагедий» погибшего Гамлета-интеллектуала заменяет мудрый Гораций, государственные обязанности Гамлета – наследника короны принимает на себя в походах закаленный принц Фортинбрас. Вот и Петр Ильич, автор увертюры-фантазий «Гамлет» и «Ромео и Джульетта», «отца нашего Шекспира» неспроста боготворил.

Третья и четвертая части выразительного секстета – возвращение на родину, в пространство русского мира. Родина, ее песни и пляски, ее милосердная душа – в сердце и на листке нотной бумаги. Многогранное скрипичное соло Шернияза Мусахана, без малейшей заминки поддержанное его молодыми сотоварищами по оркестру, убеждает, что все замечательно прочувствовано, пережито, и сверхзадача произведения сберегалась в целостности-сохранности.

Играем «Серенаду...»

На концертах такого высокого класса неизменно охватывает сильное сожаление, что не можешь подробно отчитаться, неспешно обсудить-обговорить все детали события. К последней позиции нынешней программы «Молодые солисты...» подошли в превосходной форме и смогли точно передать непростой, наставительно-знаковый композиторский замысел. «Серенада для струнного оркестра, соч. 48» – мастер-класс для начинающих творцов; он заставляет почувствовать, какая это невероятно тяжелая ноша – создание музыки.

А в поучительный пример, недостижимый и призывающий, – Петр Ильич собственной персоной. В «Серенаде», можно сказать, расстелена музыкальная скатерть-самобранка. Юношески-безмятежный вальс во второй части, многим знакомый с колыбели; а в третьей части – баркарола, в которой земное и заоблачное соединено в колдовской неразрывности; и под конец – часть четвертая, о которой можно произнести слова композитора: «Я с детства самого раннего проникся неизъяснимой красотой народной музыки».

Восхождение к финалу «Серенады...», да и всего концерта в целом, протекало, как говорится, без сучка, без задоринки. Оркестр, уверенно и продуманно ведомый Ш. Мусаханом, проникновенно чувствует неповторимость Чайковского, представителя русской всемирности. И если в начале вечера в исполнительском поведении музыкантов заметно преобладало похвальное, конечно, стремление к абсолютной точности и строгой выверенности, то в финальном произведении программы прибавились отвага свершения, смелость победного исполнения, раскованное, волшебное свободное вдохновение.

Публика собралась квалифицированная, подготовленная и в иное время не осмелилась бы аплодировать между частями «Серенады для струнного оркестра» или «Воспоминания о Флоренции». Но тут сдержаться и не выразить свой восторг (в зрительном зале собралось все больше молодое поколение) не представлялось возможным. Оркестр, в успешном будущем которого нет никаких сомнений, принимали любовно, как близкого родственника в чемпионском звании.

И «Молодые солисты Евразии» не остались в долгу. Они попрощались с благородной публикой звонким праздничным коллажем в ныне весьма модном стилистическом ключе – «Чайковский-микс». Прозвучали, как «колокол на башне вечевой», и начало Первого фортепианного, и «Танец маленьких лебедей», и вальс из «Щелкунчика», пока под звуки «Итальянского танца» из «Лебединого озера» не закончилась наша встреча с Прекрасным, с классической музыкой и ее талантливыми исполнителями.

